УДК 81(091):811.161.1'282
Науч. спец. 5.9.5
DOI: 10.36809/2309-9380-2026-52-239-244

Марина Александровна Харламова
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций, Омск, Россия
e-mail: khr-spb@mail.ru

Влияние трудов профессора Б. И. Осипова на исследования современной народно-разговорной речи

Памяти профессора Бориса Ивановича Осипова

Аннотация. В статье на материале говоров Среднего Прииртышья верифицируется мысль профессора Б. И. Осипова о влиянии морфологических факторов на реализацию гласных в заударных позициях. Сопоставление результатов анализа диалектных материалов 1970–1980-х гг. с языковыми данными начала XXI в. ярко демонстрирует общерусскую тенденцию к неразличению заударных гласных, с одной стороны, а с другой — позволяет выявить морфологически обусловленные позиции, сдерживающие процессы редукции.

Ключевые слова: диалектная фонетика, заударный вокализм, морфологический фактор, редукция, народно-разговорная речь.

Marina A. Kharlamova
Dostoevsky Omsk State University, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Russian Language, Literature and Document Communications, Omsk, Russia
e-mail: khr-spb@mail.ru

The Impact of Professor B. I. Osipov's Works on the Study of Contemporary Colloquial Folk Speech

In memory of Professor Boris Ivanovich Osipov

Abstract. Based on material from the dialects of the Middle Irtysh region, the article verifies Professor B. I. Osipov's idea concerning the influence of morphological factors on the realization of vowels in post-stress positions. A comparison of the results obtained from the analysis of dialect materials of the 1970s–1980s with linguistic data from the early 21st century clearly demonstrates, on the one hand, a pan-Russian tendency toward the neutralization of post-stress vowels, and, on the other hand, allows to identify morphologically conditioned positions that restrain processes of reduction.

Keywords: dialect phonetics, post-stress vocalism, morphological factor, reduction, colloquial folk speech.

Введение (Introduction)

Как можно оценить вклад того или иного ученого в науку? По количеству монографий, статей, индексу Хирша? Представляется, что не это главное. Думается, что вклад ученого в науку тогда релевантен, когда его идеи находят развитие в исследованиях учеников и коллег, когда гипотезы осмысляются на другом, новом эмпирическом материале и становятся общепризнанными и значимыми для эволюции научного знания.

Профессор Б. И. Осипов именно такой ученый. Он оставил солидное научное наследие и является уникальным специалистом в области истории письма прежде всего [1]. Однако у него много солидных статей, посвященных современной орфоэпии и фонетике [2].

В трех статьях разных лет, к которым мы обратились, Б. И. Осипов анализирует некоторые результаты исследований коллег и учеников и приводит свои наблюдения и важные выводы [3; 4; 5]. Представляется, что экспериментальные наблюдения над взаимодействием фонетики и грамматики, о которых идет речь в этих работах, весьма актуальны и сейчас. Мысль Бориса Ивановича о влиянии

© Харламова М. А., 2026

Для цитирования: Харламова М. А. Влияние трудов профессора Б. И. Осипова на исследования современной народно-разговорной речи // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2026. № 3 (52). С. 239–244. DOI: 10.36809/2309-9380-2026-52-239-244

Статья доступна на условиях лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

морфологической позиции на реализацию гласных в безударных слогах подтверждают наши наблюдения над диалектной речью, начатые еще в кандидатской диссертации [6]. Обращение к фонетике современной звучащей речи как разговорной [7; 8; 9], так и диалектной верифицирует во многом выводы, сделанные в названных статьях профессора, по поводу причин и последовательности развития аканья в широком смысле. Кроме того, наше исследование диалектной речи выявляет факторы, задерживающие развитие редукции (о чем писал и Б. И. Осипов, основываясь на материалах памятников письменности [3]) в говорах вторичного образования.

В статье «Память как фактор усвоения фонетики родного языка» [5] Б. И. Осипов обращается к истории изучения физиологии и акустики речи и подчеркивает, опираясь на работы В. Ф. Нечипоренко о биолингвистике [10, с. 153], что «в проблеме памяти едва ли можно найти хоть какой-то аспект, который не был бы важен для языкознания» [5, с. 241].

Так, Б. И. Осипов отмечает, что в «практике преподавания языка проблема памяти обычно встает при усвоении иностранного языка — прежде всего лексики и затем грамматики и фонетики» [5, с. 241]. И далее он пишет: «Однако память играет значительную роль и в усвоении фонетики родного языка» [5, с. 241]. Сравнивая разные результаты слухового анализа и исследования с помощью звукоанализирующей аппаратуры заударного вокализма после мягких согласных (аппаратура фиксирует почти всегда один и тот же результат: передняя артикуляция, близкая к [i] типа [dobraі] < *доброе* (ср. р.) — *добрая* (ж. р.), тогда как слуховой анализ может показать различие форм среднего и женского рода и даже наличие [j], и аудитор слышит [-aja-], если произносят [-aі]), Б. И. Осипов говорит о том, что подобное несоответствие проявляется не только в окончаниях женского и среднего рода, и ставит вопрос — почему. «Влияние орфографии? Но почему оно проявляется гораздо слабее в случаях типа *мятеж*, *лягушка*, *язык* и т. п.?» [5, с. 242] Б. И. Осипов полагает, «недостаток приборов в том и состоит, что они не имеют речевой памяти» [5, с. 242]. И профессор подчеркивает, что «инструментальный анализ должен непременно дополняться и корректироваться аудиторским» [5, с. 243].

В названной выше статье Б. И. Осипов показывает результаты экспериментов разных исследователей. Сначала он обращается к работам Л. А. Вербицкой 1970-х гг. по разговорной речи города [11], к своей совместной статье с Б. Д. Николенко [4] и затем к статье Е. В. Ковриго о «различительных» экспериментах 1972 и 2001 гг. [12]. В результате этих экспериментов было установлено «достаточно хорошее различение форм типа *баня — бане* (И.-Д.), *края* — (о) *крае* (Р.-П.), *дальний — дальней* (И.м.р.-Д.ж.р.), *будням* — (о) *буднем* (сущ. — прилаг.) и более слабое различение форм типа *чужеземцем — чужеземцам* (Т.ед. — Д.мн.), *дальнее — дальняя* (ср.-ж.р.), *приятелем — приятелям* (Т.ед. — Д.мн.), *поле — поля* (И.ед.-Р.ед)» [5, с. 244].

Анализируя материалы эксперимента Е. В. Ковриго, Б. И. Осипов обращает внимание на формы, которые обнаружили значительный разброс данных, но однако «большинство аудиторов эти формы различает», это пары типа «*цыгане* (сущ.) — *цыганя* (дееприч.)» [5, с. 244], т. е. лексемы явно демонстрируют силу морфологической формы, морфологической аналогии.

Б. И. Осипов закономерно ставит вопрос: что слышат аудиторы в неразличаемых формах типа *поле — поля*? В обоих случаях [а] или [е], или [і]? [5, с. 244].

Особо профессор останавливается на анализе результатов эксперимента своей аспирантки Л. Г. Пушкаревой, которая в диссертации реализует его идеи: «целью эксперимента было выявление степени влияния орфографоцентризма школьного курса русского языка на восприятие произношения школьников» [5, с. 245]. И такое влияние было выявлено: с 5–6-го класса более половины учеников даже в случаях несомненного расхождения написания с произношением начинают «слышать» то, что пишется [5, с. 245].

Для подтверждения данных экспериментов Б. И. Осипов обращается к словарю орфографических ошибок школьников, опубликованному красноярским профессором В. Я. Булоховым [13]. Словарь фиксирует около 20 тыс. ошибочных написаний в диктантах учащихся 3–11-х классов. Совершенно справедливо Б. И. Осипов пишет о том, что орфографический материал требует дополнительной интерпретации, что сам и делает [5, с. 246].

Естественно, Б. И. Осипов, как историк языка, интересующие его формы сопоставляет с проанализированными некогда им же материалами памятников русских акающих говоров XV–XVIII вв. [3], но к диалектным данным XX–XXI вв. Борис Иванович не обращался.

Цель статьи — выявить тенденции развития заударного вокализма в говорах полиэтнического региона Омского Прииртышья и взаимосвязь фонетических и морфологических факторов в реализации общерусских тенденций языкового развития.

Методы (Methods)

При помощи слухового анализа собраны данные по реализации гласных в заударных как открытых, так и закрытых слогах в говорах вторичного образования; сопоставительный метод позволил выявить особенности развития заударного вокализма в народной речи Среднего Прииртышья и зависимость реализации гласных от морфологических факторов, а с помощью описательного метода обоснованы результаты исследования и выводы.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Для нас особо ценными представляются наблюдения Б. И. Осипова над взаимодействием фонетических и морфологических факторов в реализации заударных гласных, в частности мысль профессора о влиянии морфологического процесса выравнивания окончаний твердой и мягкой разновидности склонения на развитие заударного аканья. Почему? Наше исследование фонетики старожильческих говоров по материалам диалектологических экспедиций 1970–1980-х гг. в Среднее Прииртышье показало, что некогда окающий тарский говор в тот период являлся говором переходного типа и уже тогда активно развивал общерусскую тенденцию к аканью и менее активно к иканью (лингвистический фак-

тор), что усиливалось воздействием орфоэпических норм литературного языка, постоянным влиянием «на жителя современной деревни языка средств массовой информации — прежде всего, радио и телевидения — во всем его жанровом разнообразии» [14, с. 19]. Но важно, что тогда мы отмечали «длительное сохранение различий» безударных гласных в заударных слогах в речи носителей архаического и среднего слоя говора (40–60 / старше 60 лет) и пришли к выводу, что «все преобразования диалектного слова определяются и направляются морфологической системой языка» [6, с. 187] (заударная позиция в говоре была сильной и, как правило, это еще и функционально важная часть слова (запись в фонетической орфографии): (1) флексия *тр**я**пкой, кот**о**рой, со-стр**у**хой* или (2) словообразовательный суффикс: *м**е**снось, б**е**днось, д**ы**роч'ка, измен**и**лось* и др.). «А это значит, что все рассмотренные (тогда. — *М. Х.*) изменения так или иначе регулируются и семантическими факторами» [6, с. 187]. Таким образом, взаимосвязь фонетического и морфологического уровней языка, о которой писал Борис Иванович, основываясь на экспериментальных фонетических исследованиях (в связи с аканьем), в наших говорах увязывается еще и с лексическим.

Данные говоров Среднего Прииртышья конца XX — начала XXI в. показывают интенсивное развитие редукции в заударных слогах после твердых согласных в открытых и закрытых слогах. Так, в открытом слоге видим нейтрализацию /o/ и /a/ в /a/:

Ф-сафх**о**зи *с**е**на* (В. п. ср. р.) убир**а**ют / за-скат**о**м х**о**дют зим**о**й // (д. Шипицыно, Большереченский р-н, Е. А. Голубева, 69 л., жен., малограмот., старож., 1999);

И-в**о**т **о**н фатаграф**и**равал н**а**шэ *М**у**рамцэва* (ср. р.) / кн**и**га / ан**а** у-мин**я** щ**я**с у-куме лиж**ы**т (с. Муромцево, Муромцевский р-н, З. А. Непомнящая, 76 л., жен., 4 кл., старож., 2003);

с**а**хару *э**т**ава* (Р. п.) / м**ы** ев**о** ни-вид**а**ли // (с. Муромцево, Муромцевский р-н, М. И. Желтякова, 90 л., жен., малограмот., старож., 2003);

А-**у**трам *р**а**на* заприг**а**иш / заприг**а**иш / да-на-к**о**ни сад**и**ся вирх**о**м // (д. Окунево, Муромцевский р-н, А. И. Окунева, 81 г., жен., 3 кл., старож., 2003);

*гд**е**-та* в-наябр**е** */ нав**е**рна* / патам**у** шт**о** сн**е**гу ищ**о** н**е**было // (д. Мыс, Муромцевский р-н, Е. А. Кириченко, 86 л., жен., 4 кл., рус-укр., 2003);

*т**а**к-та* м**ы** дв**о**и б**ы**ли / н**у** ч**и**слились н**у** он**е** фс**е** *о**к**ала* н**а**с т**у**т / д**е**ти-та / и внуч**я**ты (д. Окунево, Муромцевский р-н, Е. С. Окунева, 73 г., жен., 4 кл., старож., 2003);

*Нимн**о**шка* с**а**хару с-л**о**шку / стал**о**вую / л**о**жу / туд**а** // (д. Нововаршавка, Нововаршавский р-н, М. Я. Мельникова, 77 л., жен., 4 кл., рус-укр., 2004).

Первый пример весьма показателен: нейтрализация /o/ — /a/ > [а] в существительном среднего рода винительного падежа *сена* манифестирует нерелевантность среднего рода в современной речи, а рефлекс [а] не только отражает аканье, но и «напоминает», что [а] — это маркер женского рода, поэтому в говорах мы часто видим совпадение имен среднего рода с именами женского рода. Как отмечают историки, «отсутствие категории одушевленности у имен среднего рода исключает их из очень важной для русских слов корреляции, тем самым дополнительно ослабляя функциональную ценность самой категории среднего рода» [15, с. 198]. И далее: «В русских говорах по указанным причинам формы среднего рода после XVII в. фактически утрачиваются» [15, с. 198]. Как известно, средний род на основе развития акающего произношения стал нерелевантным в говорах уже в XIII–XIV вв., а современные говоры этот процесс нам часто демонстрируют как живой, маркируя этапы процесса, что важно для изучения истории самого процесса в языке. С развитием аканья на нерелевантность среднего рода указывает совпадение форм среднего рода с женским, на начальном же этапе утраты среднего рода мы имеем чисто фонетическое явление, как в данном случае.

Отмечаем нейтрализацию [о] — [а] > [а] в закрытых слогах:

*за-вн**у**чкам* (Т. п. м. р.) жыв**у** / а внуч**о**к **у**чица (д. Голубовка, Седельниковский р-н, А. А. Олейник, 86 л., жен., неграмот., рус-укр., 2001);

вам прад**у**кты пришл**и** // Ну-сад**и**ца п**а**ру лашад**е**й вз**я**л и-па**е**хал *за-хл**е**бам* за-прад**у**ктам // (д. Окунево, Муромцевский р-н, А. И. Окунева, 81 г., жен., 3 кл., старож., 2003);

Ну кан**е**шна ф-штан**а**х-та жэ-м**ы** ни-ход**и**ли / пл**а**тья или т**а**м **ю**пка с-*к**о**фтай* (Т. п. ж. р.) // (д. Заливино, Тарский р-н, А. С. Скуратова, 91 г., 5.5 кл., старожил., 2010);

тад**а**-жы принужд**а**ли *студ**е**нтаф* (В. п. мн. ч.) ос**о**бинна... // (д. Заливино, Тарский р-н, А. С. Скуратова, 91 г., 5.5 кл., старожил., 2010);

У-мин**я** к**ы**ска принесл**а** в-**и**збу / *ф-пр**о**шлам* г**о**де // (д. Окунево, Муромцевский р-н, П. Е. Окунева, 75–80 л., жен., неграмот., старож., 2003);

В**о**т *в-**э**там* дам**у** жыл**а** стар**у**ха // (д. Окунево, Муромцевский р-н, Е. С. Окунева, 84 г., жен., неграмот., старож., 2003);

А-*у**т**рам* р**а**на заприг**а**иш / заприг**а**иш / да-на-к**о**ни сад**и**ся вирх**о**м // (д. Окунево, Муромцевский р-н, А. И. Окунева, 81 г., жен., 3 кл., старож., 2003);

и в суффиксе существительного: ... **я** сматр**ю** п**е**рва чё / *н**о**вас'ти* / (д. Заливино, Тарский р-н, А. С. Скуратова, 91 г., 5.5 кл., старожил., 2010) или глагола: И-в**о**т **о**н *фатаграф**и**равал* н**а**шэ М**у**рамцэва / кн**и**га / ан**а** у-мин**я** щ**я**с у-куме лиж**ы**т // (с. Муромцево, Муромцевский р-н, З. А. Непомнящая, 76 л., жен., 4 кл., старож., 2003).

В заударном закрытом слоге (во флексиях) отмечаются единичные случаи «ослабления гласного» и реализация в [ы] или [ъ], что, по мнению диалектологов, «является теперь обычным» даже в поморских и вологодско-вятских окающих говорах, легших в основу говоров вторичного образования, т. е. старожильческих говоров Омской области [16, с. 62]:

Хач**у** замис**и**ть з**а**втри **э**та сп**е**чь *с-**я**йцы/ъми* с-л**у**ком пирошк**о**ф от-т**а**к // (д. Заливино, Тарский р-н, А. С. Скуратова, 91 г., 5.5 кл., старожил., 2010).

Слабость противопоставления [а — ъ] вместо прежнего [а — о] подчеркивает и неопределенность этого [ъ], что приводит к тому, что его произносят и записывают разным способом — как [а^{ъ}], [ъ] или как в нашем случае [ы] (см. [16, с. 71]).

Особо обращает внимание Б. И. Осипов на гиперкорректные написания школьников, подчеркивая, что, по его

наблюдениям за результатами исследований современной ему городской речи и особо речи школьников на разном материале (опросы, анкеты, письменные работы), «фонетические написания преобладают над гиперическими, и это преобладание устойчиво как в истории [17, с. 215–216], так при усвоении орфографии учащимися» [5, с. 246].

Единичные случаи гиперкорректного произношения зафиксированы нами и в речи носителей старожильческих говоров Среднего Прииртышья в этом веке:

он**о**-это т**е**сто зд**о**бно р**а**с на-молок**е** да *на-**я**йцох* ну и м**а**слица туд**ы** н**а**до вл**и**ть ну а пот**о**м кат**а**ш фсяки р**а**зны фин'тикл**ю**шки // (д. Заливино, Тарский р-н, А. С. Скуратова, 91 г., 5.5 кл., старожил., 2010);

я дв**а** р**а**за *з**а**мужом* был**а** а *риб**е**нкоф* н**е**-было // Ну с'в**е**р'ху пом**а**жиш *смит**а**ной* и в-в**о**л'ну п**е**ч'ку ст**а**виш // (д. Заливино, Тарский р-н, А. С. Скуратова, 91 г., 5.5 кл., старожил., 2010).

Вероятно, рефлексы с [о] можно объяснить исконным для говора оканьем, которое еще удерживает языковая память диалектоносителей старшего поколения, так называемого традиционного слоя говора, и/или позицией после отвердевшей аффрикаты [ц] и шипящего [ж], отражающих переход /е/ > /о/.

В заударном открытом отмечается рефлекс с [о]:

Ж**ы**ли м**ы** фс**ю** ж**ы**з'ню *б**е**дно* // (с. Такмык, Большереченский р-н, В. Н. Боженова, 85 л., жен., неграмот., старожил., 1999);

*М**а**ло* оддых**а**ли // Д**а**жэ в-отпуск**у** м**а**ло приход**и**лось / (с. Такмык, Большереченский р-н, П. И. Шейкин, 78 л., муж., неграмот., старожил., 1999);

*К**о**ни-то* нихт**о** не-дырж**а**л // (с. Такмык, Большереченский р-н, В. Н. Боженова, 85 л., жен., неграмот., старожил., 1999);

У-н**а**с *ниш**и**пко* грибн**о** *м**е**сто-то* з'д**е**сь / (д. Заливино, Тарский р-н, А. С. Скуратова, 91 г., 5.5 кл., старожил., 2010);

У-мен**я**-веть ни-к**а**к у-гороцк**и**х у-мин**я**-вить фсё *х**у**до* фсё *плох**о*** // (д. Заливино, Тарский р-н, А. С. Скуратова, 91 г., 5.5 кл., старожил., 2010);

и ф-*ск**о**вороду* м**а**сло пол**о**жиш / (д. Заливино, Тарский р-н, А. С. Скуратова, 91 г., 5.5 кл., старожил., 2010);

ну **е**сли кт**о** *с**и**л'но* б**е**дный ж**и**л и к-чюж**ы**м ход**и**ли и чюж**и**е дав**а**ли // (д. Заливино, Тарский р-н, А. С. Скуратова, 91 г., 5.5 кл., старожил., 2010);

а в закрытом слоге сохранились некоторые формы без редукции:

Н**у** а-тип**е**рь хад**и**ла *ф-пр**о**шлом* г**о**де ни-хад**и**ла // (д. Окунево, Муромцевский р-н, Е. С. Окунева, 84 г., жен., неграмот., старож., 2003);

фсё б**ы**ло фсё *подив**а**лось* фсё пов**ы**бросила... в**о**т // (д. Заливино, Тарский р-н, А. С. Скуратова, 91 г., 5.5 кл., старожил., 2010);

ну т**а**к-от д**е**сить *сн**о**пикоф* **э**то назыв**а**цца ч**ю**ха / (д. Заливино, Тарский р-н, А. С. Скуратова, 91 г., 5.5 кл., старожил., 2010).

В акающей огласовке носители говоров обычно усваивают новые для говора слова независимо от его родовой принадлежности:

*холод**и**л'никаф* у-н**а**с тад**а** ни-у-кав**о** в-ж**ы**зни н**е**было фсё ф-п**о**грип спуск**а**ли // (д. Заливино, Тарский р-н, А. С. Скуратова, 91 г., 5.5 кл., старожил., 2010).

По нашим наблюдениям, этимологический [о] прочнее сохраняется в двусложных формах наречий и глаголов прошедшего времени, в последнем — рядом оказывается всегда лабиовелярный «промежуточный» [18, с. 207; 19, с. 310] звук [л] и, вероятно, способствует такой устойчивости [о] в частотных для говоров словах типа *мало, было*, *стало* и т. п.:

ну пот**о**м-то л**у**ч'ши *ст**а**ло* снач**я**ла б**ы**ло пл**о**хо пот**о**мты ст**а**ли фс**я**ки маш**ы**ны на-ток**у** обраб**а**тывать с**е**на / с**е**на здав**а**ли // (д. Заливино, Тарский р-н, А. С. Скуратова, 91 г., 5.5 кл., старожил., 2010).

После мягких согласных в народной речи Среднего Прииртышья реализация общерусской тенденции к иканью проявляется еще активнее, чем после твердых, что обнаруживаем как в открытых (абсолютный конец слова):

Витр**а** б**ы**ли шо-рв**а**ло фсё *на-св**е**ти* // (д. Шипицыно, Большереченский р-н, Е. А. Голубева, 69 л., жен., малограмот., старож., 1999);

Ф-кл**у**п хад**и**ли / п**е**ли *ф-х**о**ри* // (с. Нижнеиртышское, Саргатский р-н, В. Н. Федоров, 62 г., муж., 6 кл., старож., 2000);

Он в-**а**рмии служ**ы**л / жывёт *в-г**о**ради //* (д. Хутора, Нижнеомский р-н, З. Н. Панина, 71 г., жен., старож., 2001);

Тад**а** **е**сли **е**сь вр**е**мя ткём / а-н**е**ту вр**е**мя пазв**а**ли-ш раб**о**тать *ф-калх**о**зи* (д. Окунево, Муромцевский р-н, П. Е. Окунева, 75–80 л., жен., неграмот., старож., 2003);

И кар**о**ў ган**я**ли *ф-п**о**ли* / (с. Атирка, Тарский р-н, В. С. Белоножкина, 84 г., жен., 2 кл., новосел., 2003);

*Ф-калх**о**зи* ж**ы**ть л**е**кчи / (с. Русская Поляна, Русскополянский р-н, В. Ф. Кашура, 62 г., жен., 10 кл., рус-укр., 2003);

...ну да-**э**та кад**а** мал**о**дин'ки б**ы**ли / питн**а**ццать — чит**ы**рнацать л**е**т б**е**гали *по-дир**е**вни* / ворож**и**ли жыних**о**в выворажывали // (д. Заливино, Тарский р-н, А. С. Скуратова, 91 г., 5.5 кл., старожил., 2010);

кот**о**ры рибят**и**шки *в-л**ю**л'ки* кот**о**ры *ф-кров**а**тки* кт**о** *нап**е**ч'ки* ... от-т**а**к // (д. Заливино, Тарский р-н, А. С. Скуратова, 91 г., 5.5 кл., старожил., 2010);

М**ы** ж**ы**ли в-Зн**а***мин*ском *р**а**ени* (с. Русская Поляна, Русскополянский р-н, М. А. Степанюк, 73 г., жен., 8 кл., рус-укр., 2003);

так и в закрытых слогах:

он**е** в-б**а**не м**ы**лись и **я** **и**х фсигд**а** ч**а***им* попо**ю** и фсё... вот // (д. Заливино, Тарский р-н, А. С. Скуратова, 91 г., 5.5 кл., старожил., 2010);

л**ё**н изомн**ё**ш пот**о**м так**о** трип**а**ла б**ы**ло *истр**е**плиш* // (д. Заливино, Тарский р-н, А. С. Скуратова, 91 г., 5.5 кл., старожил., 2010);

так**а** в**о**т з'д**е**лана был**а** зн**а**чит суд**ы** наб**и**та гв**о**з'ди... т**а**к-от и в**о**т ч**е***ш***и**ш // (д. Заливино, Тарский р-н, А. С. Скуратова, 91 г., 5.5 кл., старожил., 2010);

дак-жым**о**й-то штан**ы** б**ы**ли у-н**а**с / штан**ы** *в**а**линки* / (д. Заливино, Тарский р-н, А. С. Скуратова, 91 г., 5.5 кл., старожил., 2010).

Зафиксированы единичные случаи реализации в ['а] в форме винительного падежа женского рода:

Сами тк**а**ли полот**е**нца / *ск**а**тертя* // (р. ц. Большеречье, Большереченский р-н, З. А. Васильева, 72 г., жен., 4 кл., старож., 1999).

Гласный [а] является, как уже говорилось, маркером женского рода, что прочно сохраняет языковая память респондента. Возможно, поэтому вместо флексии [и] в винительном падеже множественного числа по типу малочисленного класса былых основ на *і диалектоноситель включил слово в парадигму многочисленного класса имен женского рода былых основ на *а, с одной стороны, а с другой — в заударной позиции гласный явно испытывает влияние мягкого варианта склонения типа *земля* (аналогично могут использовать и вторичные заимствования, новые для говора слова типа *п**о**льта,* даже под ударением > *нет пальт**а***). «При утрате категории отклонения от нормы как раз и отражаются в заимствованных (новых для системы) словах» [15, с. 199].

В частотном для диалектной коммуникации наречии *завтра* в записях первого десятилетия XXI в. отмечается палатация сонорного [р'] и, соответственно, произношение в заударном открытом слоге после мягкого согласного ['а]: а в**о**т *з**а**фтря* б**у**дет Питр**о**ф д**е**нь // (д. Заливино, Тарский р-н, А. С. Скуратова, 91 г., 5.5 кл., старожил., 2010). Наречие *завтра* зафиксировано и в ином произношении: хач**у** замис**и**ть *з**а**фтри* **э**та сп**е**чь с-**я**йцыми с-л**у**ком пирошк**о**ф от-т**а**к // (д. Заливино, Тарский р-н, А. С. Скуратова, 91 г., 5.5 кл., старожил., 2010). Думается, формы *з**а**фтря — з**а**фтри*, с одной стороны, связаны с развитием мягкости у [р'], а с другой — варьирование [а — 'а — **и**] демонстрирует этапы развития общерусского иканья в говоре.

Следует отметить, что в рассматриваемой позиции обнаруживаем рефлексы былого екающего произношения, отмеченного нами в 1970–1980-х гг., в старой для говора лексике. Так, в устойчивой и частотной формуле *(в) пр**о**шлом г**о**де* может сохраняться различение /е/ и /и/ в именной флексии (как и [о] в прилагательном): А-в**о**т ж**е**н'щина *пр**о**шлом г**о**де* постр**о**ила чит**ы**ри к**о**мнаты / (д. Заливино, Тарский р-н, А. С. Скуратова, 91 г., 5.5 кл., старожил., 2010).

Заключение (Conclusion)

Полагаем, наш анализ диалектного материала верифицирует выводы Б. И. Осипова, сделанные им на материале разговорной речи и анализа ошибок школьников:

1) «наиболее благоприятной для проявления морфологической аналогии и наименее благоприятной для редукции среди заударных позиций является позиция в конечном открытом слоге» и, добавим, особенно после мягкого согласного [5, с. 257]: в нашем случае это позиция в функционально важной части слова имен существительных и прилагательных — во флексии (чаще после t': *по-дир**е**вни, ф-п**о**ли, в-л**ю**л'ки, ф-калх**о**зи и ск**а**тертя* (Вин. п. мн. ч.), но и после t: *с**е**на* (Вин. п. ср. р.) убир**а**ют);

2) «со временем усиливается влияние редукции» [5, с. 258]: это положение наглядно проявляется, если сопоставить результаты анализа 80-х гг. XX в. и анализ современных диалектных данных, где, с одной стороны, активно развивается общерусская тенденция к аканью и иканью и у респондентов «срабатывает» память, а с другой — при общей тенденции к неразличению заударных гласных наблюдаем рефлексы окающего произношения в частотной и исконной для говора лексике и в тех же морфологически значимых позициях: *(в) пр**о**шлом г**о**де,* д**е**сить *сн**о**пикоф,* л**у**ч'ши *ст**а**ло,* фс**ё** *х**у**до* и др.

Итак, проблема аканья, история его возникновения и развития, причины, его вызвавшие, не эпизодически, а постоянно вызывали живейший интерес профессора Б. И. Осипова. Нельзя не согласиться с Борисом Ивановичем, что эти вопросы для понимания развития национального русского языка ждут дальнейших исследований с привлечением новых источников как современной нам разговорной речи, так и исторических материалов, каковыми являются не только данные памятников письменности, но и факты современных нам говоров.

Закончить хотелось бы словами Б. И. Осипова, который в конце одной из своих статей пишет: «Эту статью автор рассматривает не как итог, а, напротив, как попытку постановки обозначенного в заглавии вопроса» [2, с. 259].

1. Осипов Б. И. Судьбы русского письма: История русской графики, орфографии и пунктуации : моногр. М. : Ин-т русского языка Рос. акад. наук ; Омск : Омский научный вестник, 2010. 320 с.

2. Осипов Б. И. К истории русского языка, культуры и письма : избр. ст. Т. 1 : Развитие языка и методика его преподавания. Омск : ЛИТЕРА, 2014. 448 с.

3. Осипов Б. И., Батырева Л. П., Сухоцкая Е. Б. Взаимодействие фонетических и морфологических факторов в развитии русских акающих говоров XV–XVIII вв. // Фонетика и письмо в их развитии. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 1992. С. 30–39.

4. Осипов Б. И., Николенко Б. Д. Наблюдения над произношением заударных гласных в современном русском языке // Фонетические и морфологические исследования по русскому языку и сибирской диалектологии : докл. и сообщ. межвуз. семинара кафедр русского языка высших учебных заведений Западной Сибири. Барнаул : Барнаул. гос. пед. ин-т, 1972. С. 19–24.

5. Осипов Б. И. Память как фактор усвоения фонетики родного языка // Осипов Б. И. К истории русского языка, культуры и письма : избр. ст. Т. 1 : Развитие языка и методика его преподавания. Омск : ЛИТЕРА, 2014. С. 239–259.

6. Курникова (Харламова) М. А. Изменение фонетической системы сибирского старожильческого говора (по материалам тарского говора Омской области) : дис. … канд. филол. наук. Л., 1986. 215 с.

7. Харламова М. А., Баяндина М. А. Основные тенденции развития русского заударного вокализма в аспекте культуры речи // Слово. Текст. Контекст. 2024. № 4 (20). С. 78–87. DOI: 10.69571/PBSSPU.2024.20.4.007

8. Баяндина М. А., Харламова М. А. Модификации заударных гласных в современной русской речи // Слово. Текст. Контекст. 2025. № 3 (23). С. 7–17. DOI: 10.69571/PBSSPU.2025.23.3.001

9. Богданова Н. В. Живые фонетические процессы русской речи : пособие по спецкурсу. СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2001. 186 с.

10. Нечипоренко В. Ф. Лингвофилософские основы эколингвистики. Калуга : Калуж. обл. организация Союза журналистов России, 1998. 208 с.

11. Вербицкая Л. А. Русская орфоэпия. Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1976. 124 с.

12. Ковриго Е. В. Заударные флексии в современном русском языке (Опыт экспериментального исследования) // Фонетика и письмо в диахронии : межвуз. сб. науч. тр. Омск : Ом. гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского, 2001. С. 136–143.

13. Булохов В. Я. Словарь ошибочных написаний школьников. Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т, 2000. 378 с.

14. Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М. : Языки славянских культур, 2008. 712 с.

15. Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. СПб. : Факультет филологии и искусств С.-Петерб. гос. ун-та ; М. : Академия, 2009. 512 с.

16. Русская диалектология : учеб. пособие для филол. фак. ун-тов / под ред. В. В. Колесова. М. : Высш. шк., 1990. 207 с.

17. Осипов Б. И. История русской орфографии и пунктуации. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 253 с.

18. Марков В. М. К истории редуцированных гласных в русском языке. 2-е изд., испр. и доп. Казань : Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2007. 260 с.

19. Осипов Б. И. Об одной фонетической идее В. М. Маркова (звуки промежуточных разрядов в языковой истории) // Русский язык: функционирование и развитие : материалы Междунар. науч. конф. : в 2 т. / под общ. ред. Л. Р. Абдулхаковой, Д. Р. Копосова. Казань : Казан. ун-т, 2012. Т. 2. С. 309–314.